

КИР БУЛЫЧЕВ

ОСЕЧКА-67

Кир Булычев

Осечка-67

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128490

Похищение чародея: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-12597-5

Аннотация

«Борис Колобок. Секретарь комсомольской организации Государственного Эрмитажа. Сотрудник отдела оружия. Он же командир роты юнкеров, защищающих Зимний дворец.

Зося Ильинская. Младший научный сотрудник отдела тканей Государственного Эрмитажа. Член Комитета комсомола. Командир женского батальона смерти, защищающего Эрмитаж...»

Содержание

Действующие лица	4
Картина первая	7
Картина вторая	17
Картина третья	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Кир Булычев

Осечка-67

Трагедия в 12 картинах

Действующие лица

Борис Колобок. Секретарь комсомольской организации Государственного Эрмитажа. Сотрудник отдела оружия. Он же командир роты юнкеров, защищающих Зимний дворец.

Зоя Ильинская. Младший научный сотрудник отдела тканей Государственного Эрмитажа. Член Комитета комсомола. Командир женского батальона смерти, защищающего Эрмитаж.

Семен Остапович Антипенко. Заместитель директора Эрмитажа по режиму. Отставник, ветеран. По долгу службы защищает Зимний дворец, но партийная совесть этому противится.

Раиса Семеновна Мостовая. Секретарь Антипенки. Член женского батальона смерти, разрывается между лояльностью к Антипенке и партии и преданностью Музею.

Александр Симеонов. Младший научный сотрудник отдела нумизматики. Вышел из комсомола по возрасту, но к партии не примкнул. Пьет, говорит лишнее, либерал, карьере не

сделает. Входит в число юнкеров.

Геннадий Альбертович Гунявый. Он же швейцар Эрмитажа по кличке Горыныч. Помнит, как брали Кронштадт в 1921 году. А вот как брали Зимний, на всякий случай забыл. Он же вице-адмирал Гунявый, министр морских дел Временного правительства.

Мальвина. Буфетчица Эрмитажа. Активный боец женского батальона смерти.

Василий Леонидович Грушев. Секретарь Центрального райкома КПСС Ленинграда. Он же матрос с «Потемкина», организатор штурма Зимнего, отвечающий за выстрел с «Авроры».

Клара. Секретарь Грушева. Она же революционерка в кожаной куртке. Лично предана Грушеву.

Борис Моисеевич Коган. Ветеран партии, пенсионер. Он же руководитель мелкобуржуазной партии Бунд.

Матвей Матвеевич Нетудыхата. Инструктор обкома партии. Он же министр Временного правительства пешеходов. Он же по совместительству осуществляет контроль КПСС над партией Бунд, являясь заместителем Когана.

Нодар Александрович Яманидзе. Актер театра им. Ленсовета, известен как исполнитель роли Гамлета. Он же Александр Федорович Керенский, премьер Временного правительства.

Иван Сергеевич Покровский. Директор школы верховой езды. Он же генерал КРАСНОВ, командир контрреволюцион-

ных частей, которые стремятся прорваться в революционный Питер, чтобы подавить народное восстание под руководством большевиков.

Григорий Иванович Отрепьев. Секретарь Ленинградского обкома. Он же фактический руководитель восстания Яков Михайлович Свердлов.

Николай Николаевич Пупыкин. Член ЦК КПСС. Заместитель заведующего Идеологическим отделом ЦК, куратор мероприятия. Он же Иосиф Виссарионович СТАЛИН.

Игорь Осипович Ланской. Актер Московского Художественного театра. Народный артист республики. Он же Владимир Ильич Ленин.

Олег Аркадьевич Громобоев. Актер театра им. Ленсовета. Он же товарищ Эйно Абрамович Рахья, из финских революционеров, проводник товарища Ленина в Смольный.

Голос товарища Брежнева.

Революционные матросы, солдаты и рабочие, пленные иностранные корреспонденты, юнкера и девушки из батальона смерти, они же сотрудники Эрмитажа.

Картина первая

Служебные помещения на первом этаже Эрмитажа. Низкие своды, беленые стены. У одной из стен стоит статуя Аполлона на невысоком постаменте, в натуральную величину, с захватанным мужским достоинством. Видно, не помещился в экспозиции либо не представляет ценности. Порой его руку используют как вешалку.

Коридор ведет в глубину, к служебному выходу на Дворцовую площадь.

С другой стороны он загибается налево – там сверкает золото парадной лестницы и торжественных помещений.

По радио звучит революционная песня.

Из двери, на которой видна табличка «С. О. АНТИПЕНКО, зам. директора по режиму», выходит сам Антипенко со списком в руке. Задумчиво останавливается и ставит галочки на полях списка. Из выставочного крыла входит *Боря Колобок*. За ним – Зося.

Колобок. Семен Остапыч, ну как же так! Пора оружие получать, а то всем дадут, а нам не достанется. Мои аспиранты с утра ждали, а теперь разбежались.

Антипенко. Значит, плохо организовал. У меня в свое время люди из окопов и то не разбежались.

Колобок. Так будет оружие?

Антипенко. Этот вопрос решится завтра.

Колобок. Значит, нету оружия?

Антипенко. Нет, ты скажи – для кого ты просишь оружие? Для контрреволюции! Для наших с тобой классовых врагов! Постыдился бы.

Колобок. Вы хотите, чтобы я ваши слова передал советскому телевидению? Вы хотите, чтобы весь мир знал, что наша Великая Октябрьская социалистическая революция была липовой? Что наши враги выступали без оружия?

Антипенко. Да погоди ты! Не путай меня! Какие враги?

Колобок. Вы же сами сказали.

Антипенко. Ничего я тебе не говорил.

Колобок. А где оружие для обороны Зимнего дворца?

Антипенко. Да тише ты! Иди сюда! Мне звонили из Смольного. Понял? Сам звонил.

Колобок. Кто сам?

Антипенко. Тот, который еще вчера был секретарем обкома товарищем Отрепьевым, а сегодня для нас с тобою он – Яков Михайлович Свердлов.

Колобок. Так вы мне скажите – где оружие?

Антипенко. Наше оружие отправлено (*несколько слов он шепчет на ухо Колобку*)... там возникла угроза агрессии со стороны израильских оккупантов. Не бойсь. Завтра доставят. Уже с ДОСААФ согласовано.

Колобок. У них оружие учебное.

Антипенко. А ты какое хотел? Ты что, хотел попасть в советского человека? А если ты его ранишь?

Колобок. Ох, неладно у меня на сердце!.. А как с артиллерией?

Антипенко. С артиллерией все в порядке (*смотрит в списки*). Артиллерию в количестве трех орудий привозят завтра из Артиллерийского музея.

Колобок. А их Ближний Восток не перехватит?

Антипенко. Тише ты!.. Эти пушки в последний раз при Петре Великом стреляли.

Из двери в кабинет Антипенко выплывает *Раиса Семеновна*.

Раиса Семеновна. Как хорошо, что я вас застала! Звонили из Мариинки. Шинели готовы. Срочно надо получать.

Антипенко. Колобок, посылай людей!

Колобок. Зося. Звонили, что шинели готовы. Посылай людей!

Зося. Боря, кого я пошлю?! У меня обвал – четыре финских автобуса с бабушками, поляки по обмену и плановые экскурсии – некого послать.

Антипенко. Товарищ Ильинская, вы понимаете, что говорите? За день до начала Великой Октябрьской социалистической революции вы думаете о пустяках.

Зося. Я думаю не о пустяках, а о своей работе.

Антипенко. А я что же, баклуши бью, по-вашему?

Раиса Семеновна. Что мне им ответить? А то они на обед уйдут.

Колобок. Придется тебе, Зося, самой ехать.

Зося. И не подумаю. Я в детский сад за дочкой не успею.

Колобок. Кончай манкировать! Позвони матери, пускай сходит! Как культпоход на Феллини, так есть кому в садик пойти, а как черновой труд для революции – никого не дозовешься!

Антипенко. Ильинская, мы тебе отгул засчитаем.

Радио прерывает революционную песню, и слышен голос диктора. При первых же словах Колобок подходит к динамику и усиливает звук. По мере чтения диктором Обращения в коридор выглядывают сотрудники Эрмитажа. Слушают.

Диктор. Внимание, работают все радиостанции Союза Советских Социалистических Республик. Передаем Обращение Президиума Верховного Совета, Правительства СССР и ЦК Коммунистической партии Советского Союза.

Дорогие товарищи!

В соответствии с программой торжественных мероприятий юбилейного, пятидесятого года Октября партия и правительство Страны Советов приняли историческое решение о проведении в рамках праздничных торжеств в колыбели революции – городе-герое Ленинграде кульминации революционного порыва масс – штурма Зимнего дворца.

К участию в этом крупнейшем в мире юбилейном мероприятии привлечены многочисленные представители трудящихся масс, а также целые коллективы заводов и фабрик города Ленина, занявшие первые места в юбилейном социалистическом соревновании.

Воспроизведение в реальных масштабах исторических событий привлекает пристальное внимание мировой прогрессивной общественности и должно вновь со всей убедительностью показать всему миру преимущества социалистического строя.

В настоящее время основная подготовка к грандиозному революционному фестивалю уже завершена. Ленинград принимает облик, который он носил в октябрьские дни, текстильные и кожевенные предприятия изготавливают реквизит для участников революции. Работники радио и телевидения монтируют аппаратуру в ключевых местах восстания. Ленинградские торжества увидят трудящиеся всего мира.

Штурм Зимнего дворца, залп «Авроры», а также исторический Съезд Советов будут проведены в течение вечера и ночи с 7-го на 8 ноября 1967 года. По завершении Съезда Советов, который поставит точку на победе большевиков и провозгласит декреты о земле и мире, по Центральному телевидению выступит лично Генеральный секретарь Коммунистической партии СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев, который поздравит советский народ с победой революции.

Начинает играть революционная музыка.

Раиса Семеновна подходит к динамику и уменьшает громкость.

Колобок. Зося, чего ты медлишь? Разве не видишь, какое значение придается нам в Москве? Беги, звони маме, чтобы ребенка из садика взяла.

Зося. Боря, а может, в следующий раз?

Антипенко. Товарищ Ильинская, неужели вы не понимаете, что следующего раза в ближайшие пятьдесят лет не будет.

Зося уходит.

Колобок. Семен Остапыч, у меня к вам личный вопрос. Можно как коммунист коммуниста спросить?

Антипенко. Нет уж, лучше ты меня спрашивай как младший научный сотрудник зам. директора по режиму. Спрашивай.

Колобок. Милиция на площади будет?

Антипенко. А куда же она денется?

Колобок. Прямо в форме так и будет?

Антипенко. Еще чего не хватало – в форме! Это же по телевизору снимать будут. Там же представители буржуазии только и ждут, чтобы мы прокололись. Может, тебе и конную милицию пригласить?

Колобок. А кто же будет следить за порядком?

Антипенко. Кому положено, тот и проследит.

Он уходит к себе в кабинет.

Колобок. Ну вот! Такие дела. Да вы понимаете, чем это грозит?

Колобок обращается к закрытой двери и потому не ждет ответа. Хотя ответ приходит – от Симеонова, который вошел в коридор с улицы. Он в мокром плаще. Складывает зонтик.

Симеонов. Чего витийствуешь, Колобок?

Колобок. Это хорошо не кончится.

Симеонов. Ближе к делу.

Колобок. Ты знаешь, завтра ночью намечено взятие Зимнего. Революция. Энтузиазм масс. Ну и так далее.

Симеонов. У тебя нет какой-нибудь новости посвежее – уж мочи нет. Радио включишь – даешь Зимний! Телевизор включишь – все на штурм! А это правда, что в буфете сосиски есть?

Колобок. Подожди ты со своими сосисками! Ты представь себе – будет штурм. На площади – Кировский завод, пенсионеры, сводная колонна обкома комсомола и, конечно же, все ленинградские алкаши.

Симеонов. Эти еще зачем нужны?

Колобок. Они сами придут. Люмпен-пролетариат всегда активно участвует в революциях, надеясь на грабеж и разорение.

Симеонов. Да там на площади на каждого штурмующего по милиционеру в форме и по сотруднику в штатском.

Колобок. Боюсь, что нет. И знаешь почему? Потому что все это снимается телевидением и будет транслироваться на всю Европу. Значит, милицию уберут...

Симеонов. Да не бойся. У нас все просчитано, проверено и перепроверено. Неужели ты думаешь, что мероприятие такого масштаба не находится под контролем органов? Осечки не будет.

Колобок. Ох, не убедил ты меня. А скажи, что будет, когда они ворвутся во дворец?

Симеонов. Как так ворвутся?

Колобок. Так же, как в семнадцатом году.

Симеонов. Колобок, ты анекдот про слона знаешь? Приходит человек в зоопарк и на клетке со слоном читает: «Слон съедает за день полтонны картошки, центнер бананов, помидоров и так далее». Он обращается к служителю и спрашивает: неужели он все это съест?

Колобок. А служитель отвечает: «Съесть-то он съест, да кто ему даст».

Симеонов. Так будет и с революционным народом.

Колобок. А если они ворвутся? Не могут же они дойти до дворца и повернуть обратно? В таком случае штурм Зимнего сорвется!

Симеонов. Отобьемся! *(Ему смешно представить такую ситуацию.)*

Колобок. Да ты не веселись. Баррикады сделаны на живую нитку, пушки из артиллерийского музея, подарок от Ивана Грозного. Даже винтовки наши на Ближний Восток передали. А кто защитники?

Симеонов. Мы с тобой.

Колобок. Вот именно. Наша комсомольская организация несет ответственность за сохранность Зимнего дворца и всех тех народных ценностей, которые могут погибнуть, если в Зимний дворец проникнет посторонний элемент.

Симеонов. погоди, Борька! Ты что же хочешь сказать, что товарищей, штурмующих Зимний дворец, в самом деле пус-

кать сюда нельзя?

Колобок. Не дальше вот этого места! (*Показывает точку, на которой стоит.*)

Симеонов. Ты много на себя берешь, старик. Даже непонятно, с каких ты позиций выступаешь.

Колобок. Я выступаю с позиций патриота Эрмитажа и молодого члена партии. Мы обязаны не допустить хищений, воровства и хулиганства. Это наш долг как членов партии, комсомольцев и просто сотрудников музея. Если толпа бежит брать очередную Бастилию, то ее может охватить массовый психоз.

Раиса Семеновна(она вышла покурить и стоит в стороне). Колобок, следи за своим языком. Он тебя черт знает куда заведет. Ничего себе – психоз на пятидесятом году Советской власти. Учти – здесь тебе не взятие Бастилии, а юбилейное мероприятие. На уровне первомайской демонстрации.

Вмешательство Раисы Семеновны сразу меняет ситуацию. Симеонов из оппонентов тут же переходит в нейтралы.

Симеонов. Черт его знает... может, сходить в райком? Посоветоваться.

Колобок. Ты тоже так думаешь?

Симеонов. У них там должны быть разработки, сценарий, рекомендации из Москвы.

Раиса Семеновна. А я бы не советовала отвлекать товарищей в райкоме от важных дел. У нас есть поручение, мы должны его выполнить. Когда я была комсомолкой, никому

и в голову не приходило обсуждать и даже ставить под сомнение решения партии.

Колобок. А я свою позицию не изменю. Это все – наше, народное. Я смотрю вокруг – наши же девушки будут стоять на баррикадах и их будут считать врагами люди там, на площади... это серьезное моральное испытание.

Раиса Семеновна. Ну какие там враги! Что вы несете, Колобок. А еще секретарь комсомольской организации.

Колобок. У нас не только материальные ценности. Мы отвечаем также за наших девчат – за наших комсомолок, экскурсоводов, младших научных сотрудниц – за весь батальон смерти!

Симеонов. Если ты все это начнешь нести в райкоме, то в лучшем случае схлопочешь выговор за паникерство. В лучшем случае...

Раиса Семеновна. Колобок, ты меня иногда пугаешь. В тебе так много не нашего... даже чуждого!

Колобок. Если Грушев там, то я пробьюсь к нему. Он в принципе неплохой мужик.

Картина вторая

Кабинет секретаря Центрального райкома Ленинграда Василия Леонидовича Грушева.

Накурено, шумно. Обстановка несколько напоминает ту, которая изображается в историко-революционных фильмах и на картинах. У двери стоит матрос, который спрашивает пропуск. За столом сидит солдат в папаше, который печатает указательным пальцем. На другом столе – телеграфный аппарат. В сущности, общая картина маленького штаба большой революции может воспроизводиться с различным наполнением, следует лишь иметь в виду, что в Смольном тоже должен быть кабинет. Но там кабинет солидный, без шума и игрового элемента. В значительной степени вся эта суматоха рождается революционным характером самого Грушева, который переживает свой звездный час.

Грушев уже перевоплотился. Он одет в матросскую форму, он не снимает ни на секунду бескозырки с надписью «Потемкин». Секретарь райкома говорит по телефону – перед ним сразу три старинных аппарата. Клара, девица комиссарского типа, протягивает ему бумаги с одной стороны, господин в плохо наклеенной бороде и котелке – с другой.

Грушев. Петропавловка? Нет, не собор мне нужен, коменданта тюрьмы. Товарища Сазончука попрошу. Сазончук? Слушай, сейчас к тебе политзаключенных приведут. Нет, не

антисоветчиков! Хороших ребят, наших, советских, из органов и из первичек.

Грушев прикрывает трубку ладонью и протягивает руку Колобку, которого признал издали.

Ругается! Страшный матершинник этот Сазончук. Директор вытрезвителя... Ну что, откричался? Значить приведут к тебе пролетариат. Так вот, постельным бельем не обеспечивай. Не надо, на голом сутки поспят. Потом их освобождать будем. Темницы рухнут, и свобода вас встретит радостно у входа! Слышал? Какой к черту Высоцкий! Ты сколько классов кончал, если Высоцкого от Некрасова отличить не можешь? Ну, то-то.

Звонит другой телефон. Грушев хватает трубку.

Центральный райком слушает. Кто у телефона? Я у телефона! Ну, Грушев! Какие еще проститутки на Невском! Клара, возьми трубку.

Клара(официально и светски). Я вас слушаю.

Далее они ведут два разговора, так что они переплетаются, и мы слышим фразы и осколки фраз поочередно.

Грушев. Подожди, Сазончук. Как их деды-декабристы страдали, так и они пускай пострадают за народ... Питание из столовой «Белые ночи». Уже распорядились. С супом. Главное – историческая правда – замки, засовы, изверги в тюремной форме. Ты и есть изверг – кто же еще! Если партия сказала: будь извергом – станешь! Не первый и не последний.

Клара. Есть историческая правда и историческая правда. Да, может быть, в семнадцатом году отдельные проститутки и стояли на Невском, но их смело вихрем революции. А если провокация? Если иностранные корреспонденты, заповившие наш город, сделают выводы? Да пускай они трижды комсомолки! Самое опасное начать! А вдруг понравится? А там покатится по наклонной плоскости – никакой комсомол не остановит!

Звонит третий телефон, и Колобок берет трубку.

Колобок. Какой русский флаг? А, конечно, полосатый. В энциклопедии нет? Посмотрите статью про Петра Первого. Это он придумал. *(Оборачивается к тем, кто стоит в комнате.)* Товарищи, кто помнит, какой был в России флаг?

Человек с наклеенной бородой. Как французский, только полосы наоборот.

Колобок. А какой французский?

Грушев кладет трубку на рычаг и видит человека с наклеенной бородой.

Грушев. Колобок, ты о флаге выясни, а мне надо два слова конфиденциально с товарищем Коганом выяснить.

Грушев ведет Когана с наклеенной бородой на авансцену.

Ты зачем в Смольный звонил? Зачем ты на меня товарищу Свердлову капал, а? Ты учти, Коган, что ты в моем районе прописан со своим Бундом. Так что обойдетесь комнатой в Эрмитаже. Твоя партия решающего значения в революции не сыграла... И слава богу.

Коган. А Карл Маркс?

Грушев. Что – Карл Маркс? Ох и хочется мне тебя к пар-
тотответственности за злостную демагогию привлечь, товарищ
Коган. Товарищ Маркс нацпринадлежности не имеет. Он –
великий учитель рабочего класса.

Коган. Но еврей!

Грушев. Знаешь что, Коган. Завтра я тебе двух-трех това-
рищей украинцев подкину. Для интернационала, а то вижу
я, что ты хочешь в свой Бунд одних евреев набрать во главе
с Марксом.

Коган. Я еще понимаю, если вы будете нас разбавлять рус-
скими товарищами...

Грушев. Ага, не хочешь хохлов! Тогда иди в подполье!
Скрывайся, таись! Но не путайся ты, Борис Моисеевич, у нас
под ногами.

Колобок подходит к нему.

(Вытирает лицо бескозыркой). Ну что, выяснили с фла-
гом? А то, конечно, стыдно получается. Мы наш, мы новый
мир построим, а флаг забыли. Вот построим мы когда-ни-
будь коммунизм, и спросят нас внуки: а не поменять ли нам
флаг на старый? Русские мы с тобой, в конце концов!

Колобок. Я к вам по делу, Василий Леонидович.

Грушев. А ко мне всегда только по делу. Ко мне даже же-
на по делу. Вася, колбасу купил?.. Ох, сорвем мы меропри-
ятие, ох, сорвем! Китай знаешь как на нас смотрит? Злобно.
Только и ждет осечки, чтобы развернуть кампанию травли.

А как прикажешь с людьми работать. Вот Коган, старый партиец, а в решающий момент: Маркс был еврей! Шатает людей, сложная эпоха.

Колобок. У нас тоже нелегко. Поэтому и пришел.

Грушев. Чего тебе-то нелегко? Вы в тепле, женский батальон смерти под боком. Вы ведь юнкера? А колоннам наших, советских штурмовиков придется через весь город под дождем и снегом топать. А товарищу Ленину каково?

Колобок. А каково товарищу Ленину?

Грушев. Товарищу Ленину с перевязанной щекой через ночной Ленинград в Смольный пробираться. А его к нам из Москвы прислали. Народный артист РСФСР. Тут каждому-всякому не доверишь!

К ним подходит Клара. Протягивает Грушеву ремень с кобурой. И пулеметные ленты.

Не взорвется?.. Ну, ты приспособь.

Колобок. У меня в самом деле важный вопрос.

Грушев(помогая Кларе обвязать и подпоясать себя). Валий.

Колобок. Значит, решено оборонять Зимний дворец силами сотрудников Эрмитажа?

Грушев. И правильно. Свои должны защищать. А то еще могут произойти инциденты.

Колобок. Вот из-за этого я и пришел. Милиция на площади будет?

Грушев. Ну что ты несешь, Колобок, когда первая про-

грамма телевидения прямой репортаж показывать будет, товарищ Левитан слова скажет, иностранцы приехали. И ты хочешь милицию показать? Будто мы, значит, спектакль устроили, а народ своей сознательности не имеет.

Колобок. Тогда я требую, чтобы отряд милиции был внутри Эрмитажа. И с оружием.

Клара. Ну поглядите, какой герой. Матрос-партизан Железняк... лежит под курганом с блестящим наганом, как писал Есенин.

Грушев(похлопал Клару по щечке). Пошла, пошла, рано меня еще хоронить.

Колобок. А вы не думаете, что могут пострадать материальные ценности?

Грушев. Как так?

Колобок. А так, что ворвутся путиловцы и дружинники в подпитии и начнут громить. Вы знаете, на сколько миллиардов народных ценностей в Эрмитаже хранится?

Грушев. Наш питерский пролетариат этого не допустит.

Колобок. Боюсь, что допустит.

Грушев. Ты что клеветешь?

Колобок. Ну, не пролетариат. А случайные люди затешутся?

Грушев. Их отсекут.

Колобок. Выпьют для сугрева, а потом по витрине прикладом.

Грушев. Колобок, помолчи!

Колобок. Так я к вам пришел, а не к кому-нибудь еще. Вы для меня – партия. А партия не должна ошибаться.

Грушев. И не ошибается. И если Политбюро постановило – взять Зимний дворец, мы не можем штурм за город перенести.

Колобок. А жалко.

Грушев. Честно говоря, у меня у самого на душе неспокойно. Народ у нас разный бывает. Есть еще пережитки. Искореним, конечно, но до седьмого ноября не успеем.

Колобок. Потом ведь нам история не простит.

Грушев. Мне с историей детей не крестить: но вот если в Смольный вызовут... Эх, знаешь что: я тебе пожарную машину подкину. С водометом.

Колобок. Погода около нуля. Еще кто простудится.

Грушев. На крайний случай.

Колобок. А может, все-таки в ГБ попросишь?

Грушев. Они меня уже послали. У них свои проблемы... Директор ваш что, в больницу спрятался?

Колобок. У него в самом деле обострение язвы.

Грушев. А зам. по режиму, Антипенко – вроде мужик крепкий?

Колобок. Ветеран.

Грушев. Ну вот видишь! Ветеран! Мы тебе и еще кого-нибудь подкинем. Жди, не падай духом. А рабочий класс, значит, допускаете до баррикады, но чтобы в Эрмитаж – ни ногой. Мы по заводам уже послали оперативку. Да не дрейфь

ты, Боря! Народ у нас сознательный. Хороший у нас народ! Чужого не возьмет.

К ним подходит генерал в дореволюционном мундире, с Георгиевским орденом на груди.

Краснов. Я поехал, Василий Леонидович. Тачанку за мной прислали.

Грушев. Ну ты хорош, ну настоящий душитель свободы!

Краснов. Не надо так. Я же в отпуск собрался. И вот тебе – команду контрреволюцией.

Грушев(обращаясь к Колобку). Боря, познакомься, больше не увидите. Перед тобой директор конного манежа, а ныне вождь вооруженной буржуазии генерал Краснов, конница которого завтра ночью будет прорываться на помощь Временному правительству, то есть тебе, контра полосатая! *(С размаху бьет по плечу Колобка. Тот чуть не падает.)*

Краснов. Сидорович, Александр. Я вас где-то встречал.

Колобок. На партактиве. Вы еще о прикладных видах спорта выступали.

Грушев. Поезжай. Прорывайтесь, действуйте, только без особого напора, а то еще прорветесь! Ха-ха! Смеюсь.

Краснов щелкает каблуками. И уходит, чеканя шаг.

Смотри, как люди перерождаются. Видно, есть в нем военная косточка. *(Пытается идти за ним, так же чеканя шаг, но не получается.)* Естественно. У нас, балтийских моряков, походка другая. *(Идет, поигрывая вытащенным из кобуры «маузером», вразвалку.)* Ну кто тут временные, слазь! Кон-

чилось ваше время.

Он уходит, садится к себе за стол, и тут же начинают звонить телефоны.

Алло! Центральный райком на проводе. Грушев у аппарата.

Картина третья

Служебный буфет в Эрмитаже. Три столика. У стойки, за которой стоит Мальвина – голубая девушка, ожидает кофе Симеонов. За столиком сидят Колобок с Раисой Семеновной.

Симеонов. Колобок, тебе двойной или обычный?

Колобок. Хоть чай.

Симеонов. И три раза по пятьдесят коньяку.

Мальвина. *Саша*, ты же знаешь. Антипенко категорически запретил в рабочее время.

Симеонов. Где ты увидела рабочее время? Мы еще революции не провели, а там впереди Гражданская война, коллективизация, отдельные ошибки культа личности... Наливай.

Раиса Семеновна. Мне не надо... Плохо дело, Боря?

Колобок. Хуже некуда. Меня не оставляет тревожное чувство опасности! Создается впечатление, что даже там наверху, в Смольном, не понимают еще, на что решились, какого джина выпускают из бутылки!

Входит Антипенко, перед собой он гонит совсем маленького человека пенсионного возраста в морском мундире и адмиральских эполетах.

Антипенко. Садись, Горыныч. Садись, не робей.

Они занимают соседний столик.

Ну что, орлы, не узнаете ветерана ленинской гвардии? Участника штурма Кронштадта, товарища Гунявого?

Симеонов(который ставит кофе на стол). Горыныч! Швейцар наш, Горыныч. Что за маскарад?!

Антипенко. Разрешите представить: Геннадий Альбертович Гунявый. Мичман Балтийского флота. Ныне призван из резерва для прохождения службы в рядах контрреволюции.

Колобок. Как же он такие эполеты заработал?

Гунявы й. Как коммунист и ветеран я написал в обком. Просил назначить меня на любую должность, желательно командиром «Авроры». Место оказалось занято. Пришлось соглашаться на белогвардейскую вакансию. Но не меньше адмирала.

Симеонов. Ясно, это надо обмыть.

Гунявы й. Вот именно. Сто грамм виски с мартини! И побольше льда, мадам.

Мальвина. Горыныч, что ты несешь?

Гунявы й. У меня хоть на два дня, но жизнь буржуйская! Если нет мартини – сто пятьдесят и бутерброд.

В буфет быстро входит Керенский. За ним, отступив на шаг, толстый человек в черном костюме, с бабочкой, министр Пешеходов.

Керенский. Добрый день, господа. Надеюсь, я не помешал?

Появление его столь значительно сыграно, что все встают, даже Антипенко и адмирал.

Керенский обходит весь буфет, пожимая всем руки, и

всем говорит, что он Керенский и рад познакомиться. Пешеходов повторяет его действия.

Прошу садиться. Чувствуйте себя как дома. Чем угостите, Мальвиночка?

Мальвина. У нас пиво свежее, товарищ Керенский.

Керенский. Попрошу называть меня гражданином или в крайнем случае господином. Обращение «товарищ», взятое на вооружение нашими политическими противниками, долго не проживет.

Гунявый. Гусь свинье не товарищ!

Антипенко. Адмирала Гунявого мы выделили из своего коллектива. У него есть боевой опыт.

Керенский. Что же, я рад видеть специалистов в наших рядах. Берите командование Балтийским флотом. Справитесь, адмирал?

Гунявый. Да кто мне даст? Они же там за свои пайки удавятся. Назначьте меня морским министром, а?

Керенский. По рукам, господин Гунявый!

Колобок. А мне ваше лицо знакомо. Я вас видел?

Керенский. В театре Ленсовета. Критика отмечала мое исполнение Гамлета.

Мальвина. Ну конечно, Гамлет! Я вас сразу узнала. Пиво берите!

Министр Пешеходов, который сопровождает Керенского, спешит за пивом. Заглядывает Краснов.

Краснов. Простите, я отбываю в Гатчину. Вы здесь Керен-

ского не видали? А то товарищ Грушев рекомендовал связь наладить.

Керенский. Очень рад. Керенский. Председатель Временного правительства.

Краснов. Генерал Краснов. Моя попытка освободить Зимний дворец завтра ночью должна провалиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.